

МИХАИЛ ГОЛДЕНКОВ

ТРОПОЮ ВОЛКА

В книге «Тропою волка» продолжают злоключения оршанского, минского, гродненского и смоленского князя Самуэля Кмитича, страстно борющегося и за свободу своей родины, и за свою любовь...

Предисловие

Катастрофа. Иначе и не назовешь то, что происходило в течение тринадцатилетней войны 1654–1667 годов, кровавой войны Великого княжества Литовского, Русского и Жмайтского против Московского государства.

Месяц червень 1654 года, в самом деле, оказался червонным от крови, от всполохов пламени, от разрывов каленых ядер... Трехсоттысячное войско царя Алексея Михайловича, якобы заступаясь за Хмельницкого, пошло войной на Речь Посполитую – на Польшу, – затопив железным потоком и залив кровью всю Беларусь-Литву, так до Польши и не добравшись. Хмельницкий увидел обман, стал думать о другом союзнике, переписываясь со шведским королем, но поздно. Катастрофа литвинского народа уже началась.

Это была не просто война, в которой одно княжество завоевывает другое. Это было столкновение культур: устоявшаяся, логичная, основанная на соблюдении законных связей между государствами и дворянскими семьями политика ВКЛ, Речи Посполитой и остальных стран Европы – и Московского княжества – в те времена бурно расширяющегося за счет завоеваний – несущего совершенно другой порядок. Неограниченная власть царя, крепостное право, совершенно другие порядки, дикие и непонятные простым жителям и дворянам ВКЛ, и жестокость, с которой эти порядки устанавливались...

Цвет европейского дворянства – потомки родов, которые прославились не набегами, а возведенными городами, введенными законами, устройением мирной торговли и культуры – Самуэль Кмитич, его друг молодой Несвижский

ордиат Михал Радзивилл, первый светский лев всей Речи Посполитой Слуцкий князь Богуслав Радзивилл и его троюродный брат Великий гетман Великого княжества Литовского, Русского и Жмайтского Януш Радзивилл – берутся за спасение своей страны от нашествия, которого, по словам Януша, еще «ни единого не было подобного».

Страсти и переживания по поводу разбитого сердца, первой несчастной любви сменяются для молодого пана Кмитича военными переживаниями: долгой обороной Смоленска, женитьбой на нелюбимой девушке, попыткой защитить от разгрома родную Оршу... Вчерашние мальчишеские страхи Михала Радзивилла перед призраками Несвижского замка уступают место настоящим ужасам: ужасам жестокой и беспощадной войны.

Пути спасения Родины для разных шляхтичей – разные. Одни, как Ян Павел Сапега, пытаются договориться с царем, другие сражаются без всяких компромиссов, третьи уходят защищать от шведского короля Польшу, а простые люди бегут в леса и организуют партизанские отряды... Партизанский отряд организует и несвижский друг Михала Радзивилла Вилли Дрозд, ученик самого Рембрандта, поразивший Михала тем, что как живого изобразил на портрете Кмитича.

Сражается, не жалея сил, и оршанский князь Самуэль Кмитич. Он присоединяется к Янушу и Богуславу, подписывая унию со Швецией, если уж Польша помочь не может. А Михал Радзивилл, польный гетман Гонсевский и Сапега идут к польскому королевскому войску, намереваясь пока что защищать Польшу от нового союзника Литвы – Швеции. В этом хитросплетении союзников и противников, где роли постоянно меняются, оказывается и Кмитич, стараясь успеть везде, но... царские ратники тем временем уже у ворот столицы Княжества, у стен Вильны, куда спешит и Кмитич, чтобы встретить царские войска с оружием в руках. Увы, снова и вновь: нет лада среди товарищей-шляхтичей по поводу того, как лучше обороняться...

О непростых и трагичных страницах истории, основанных на реальных событиях не только Беларуси, но и всей Восточной Европы, можно прочесть в первой книге «Огненный всадник» эпохального романа Михаила Голденкова «Пан Кмитич». Книга вторая – «Тропою волка» – продолжает вести читателя по захватывающему сюжету самой неизвестной войны в истории Беларуси, Украины и России, войны, которую по понятным причинам царские, а затем и советские идеологи прятали от своих людей. Третья книга «Поединок» завершает роман.

Глава 1

Виленский Рагнарек

*Он взял дракона,
Змия древнего, который
Есть Дьявол и сатана, и
Сковал его на тысячу лет...
(Новый Завет; Откровение)*

Жаркий июль сменился тихим и мягким августом. Стояли теплые безветренные дни, чистое голубое небо висело над древней Вильной, белые чайки пронеслись высоко на фоне лазури, и, кажется, абсолютно ничто не предвещало катастрофы, которая неотвратимо шаг за шагом надвигалась с востока. Однако дух грядущей опасности уже наполнял чистый воздух берегов Вилии. Несколько виленцев-лютеран ходили по протестантским храмам и испуганно рассказывали священникам, как в ночь на 2-е августа, на день Ильи-Пророка они видели в небесах страшное видение – скачущую Дикую охоту, и даже слышался грохот копыт от топота огромных, черных, как уголь, летящих по небесам скакунов.

– То воинство Ильи-Пророка и архангела Михаила заступает за наш город, – объясняли одни священники, – даст Бог, минует нас чаша сия.

– То дурной знак, – говорили старики, – это Дикая охота древнего гаута Одина предупреждает всех о лютой опасности. Нужно бежать, падать ниц, спастись...

Люди, тем не менее, охотнее верили не в заступничество святого Ильи, а в наказание за грехи от древнего Одина. И вот уже потянулись на запад телеги и повозки беженцев с окраин города, убегаящих подальше от железного потока царского войска,

уже долетал до стен Вильны запах чужих костров. Другие готовили запасы продовольствия на продолжительное время, полагая, что сражение вблизи города разрешит в скором времени мучительную неизвестность.

Великий гетман решил не обороняться на слабо приспособленных для этого стенах Вильны, а встретить врага на подступах к столице и с боями отходить к Зеленому мосту за реку Вилию, где будут ждать ратники Гонсевского, затем спалить мост и отступить к Жмайтии, ожидая подкрепления от шведов.

Гонсевский придерживался собственной стратегии: принять бой на стенах Вильны, хотя бы символический, чтобы никто не посмел упрекнуть, что они бросили город на произвол судьбы. Затем подскарбий литовский собирался отступить на запад, но не в Жмайтию, а через Троки и Гродно – в Польшу.

Однако оба гетмана не бросали попыток заключения мира или хотя бы перемирия с царем. 6 августа, когда армия Московии уже стояла под городом, они направили царю очередной лист с предложением мира. Такое же предложение выслал и виленский бискуп Юрий Тышкевич на имя атаманов Черкасского и Золотаренко. Конечно, как и думал Януш Радзивилл, все это оказалось бесполезной тратой чернил и бумаги – со стороны врага никто мириться не желал. Царя лишь раздражали эти жалобные писульки.

– Пусть больше не пишут! – хмурил он бровь и швырял листы под ноги, топча их алыми расшитыми золотом татарскими сапогами с острыми, глядящими вверх носками. – Ничего читать не буду! Или они сдаются, или я их в порошок сотру!

8-го августа Кмитич проснулся за полчаса до рассвета и наблюдал за фиолетовой окраской горизонта, что предвещало теплую погоду. Но вот из-за лиловой полосы вынырнул ярко-красный диск солнца, тут же укутавшись редкими облаками.

– Хм, – оршанский князь задумчиво потирал подбородок, – теперь вроде как к дождю...

И в самом деле: с раннего утра над Вильно нависли серые облака и прошел мелкий дождь, словно ангелы оплакивали

литвинскую столицу. С первыми же лучами дневного светила во всех полках барабаны и трубы возвестили зарю. Утренний звон колоколов, казалось, предвещал печальную молитву жителей обреченного города. Этот прощальный, словно погребальный, гул висел над всей местностью, и не добавляя ратникам Великого гетмана боевого пыла. Капли ангельских слез орошали землю, а казаки Черкасского и Золотаренко двинулись на позиции литвин, чтобы оросить все кровью.

Кмитич с подразделением легкой конницы (казаков) и несколькими пушками стоял на самом конце левого фланга первой линии. Впереди от войсковцев простирался частый кустарник, сзади гудел набатами испуганный Вильно. Кмитич сидел в седле, потирая эфес карабелы, готовый к бою, полный решимости умереть у стен столицы, думая о неприятеле, который таился от литвин, казалось, уже в самих зарослях ближайшего кустарника. Оршанский князь нервно оглянулся на отряд венгров. Подъехал. Тут же на коне восседал хорошо знакомый Юшкевич – вечно неунывающий, с живыми большими глазами и постоянной улыбкой на лице.

– Это все, что осталось? – спросил Кмитич у Юшкевича, кивнув на тринадцать венгерских наемников под предводительством также знакомого лейтенанта Бартоша, коренастого и широкоскулого офицера, с вечно непроницаемым лицом и длинными рыжими усами.

– Так, пан полковник, – улыбнулся Юшкевич, – роты почти нет. Одних убило, другие ранены, третьи ушли из-за неуплаты.

– А этих что, все устраивает?

– Выходит, что все! – Юшкевич вновь улыбнулся.

Кмитич, до этого глубоко надвинувший широкополую шляпу на глаза от каплей дождя, сейчас сдвинул ее от бровей и, проезжая мимо бывшей венгерской роты, посалютовал рукой Бартошу. Тот едва заметно кивнул в ответ. На лице-маске лейтенанта с узкими щелочками-глазами вновь ничего нельзя было прочесть. Остальные солдаты выглядели вполне спокойно, ожидая подхода казаков, которых, похоже, совсем не боялись, в отличие от некоторых литвин. В войске Княжества царило обреченное настроение. Все знали, что Гонсевский ждет в пяти ки-

лометрах от города, за Зеленым мостом. Знали и о разногласиях между Гонсевским и Радзивиллом. Все ощущали себя беззащитными в открытом поле и рвались побыстрее укрыться за стенами города, где с мушкетами и пушками сидел маленький гарнизон виленского стольника Казимира Хвалибога Жаромского.

И вот из-за кустарника выскочили первые колонны казаков, с трудом миновавших болотные топи.

– Огня! – скомандовал Кмитич пушкарям. Орудия глухо ухнули. Было видно, как одно ядро угодило в самую гущу казачьего строя.

Облачка белого дыма возвестили об ответном залпе неприятеля, тут же ветер донес и звуки выстрелов. Засвистели пули, но точности выстрелов мешали ветер и дождь. Литвины также дали залп... Завязалась беспорядочная перестрелка из пушек и мушкетов. Пикинеры, ошетилившиеся длинными пиками против налетевшей на них кавалерии казаков, расстроили свои ряды из-за странной команды офицера отходить. Некоторые литвинские части стали также пятиться к стенам города. Тринадцать венгров Бартоша, наоборот, храбро пошли вперед и врубались в самую гущу донских татарских казаков, тех самых, которых видел в Орше Кмитич. Венгры дрались так ожесточенно и храбро и так мастерски рубили своими саблями-карабелами, что летели в стороны отрубленные головы, кисти рук и целые руки с частями плеча. Татары в ужасе отбегали от венгров, потом новая волна атаки захлестывала угорских наемников, и вновь крики умирающих и раненых оглашали пространство вокруг невозмутимого лейтенанта Бартоша, вновь брызги крови проливались на августовскую жухлую траву. Бартош, окруженный своими солдатами, быстро перезаряжал мушкет и стрелял в упор. От каждого выстрела как подкошенный падал московитский татарин. Лейтенант так быстро перезаряжался, что в минуту делал по четыре выстрела. Из ста татар роты, бившейся с «чертовой дюжиной» венгров, на земле в лужах крови лежало уже шестьдесят пять человек, пятнадцать из них были обезглавлены. Из роты атакующих невредимыми оставалось

всего двадцать, уже не решающихся нападать. Но и венгры понесли потери – четверо убитых. На их горстку вновь налетели татары, подоспели казаки, затрещали мушкеты, ухнула граната... Однако и эта атака была отбита. Двенадцать казаков осталось лежать в крови, корчась в предсмертных судорогах.

Новая волна атаки обезумевших казаков уже окончательно поглотила горстку мужественных венгров. Отважная «чертова дюжина» Бартоша, как бы геройски ни рубилась, была-таки задавлена массой вражеского войска, погибнув за малозначимый для них город Вильно, словно и не литвинская столица стояла за их плечами, а родной Будапешт. Никто так и не смог помочь отважным героям. Армия в беспорядке отступала. Сигналы к отходу еще не протрубили, но самые малодушные уже начали отходить, оголяя фланги, полагая, что сигнал прозвучал. Кмитич рвался помочь венграм, но гетман лично распорядился, чтобы он быстрее выводил из-под обстрела пушек своих людей в город. Увы, остатки венгерской роты, той самой, что однажды спасла гетмана на реке Ослинке, теперь погибли, так и не дождавшись поддержки.

Казаки практически на плечах у отступающих литвин ворвались в городские ворота. Ожесточенная схватка закипела на улицах города, на Кафедральной площади. Первых ворвавшихся в Вильно казаков перестреляли из окон домов и со стены города, но вторая волна захватчиков захлестнула и улицы, и площадь. Враг напирал. Литвины отступали. Жители Вильны, которые все еще рассчитывали на победу своего войска, толпами побежали на Ковенскую заставу. Телеги, лошади, женщины и дети, ратные и гражданские люди – все это бежало, сталкивалось под грохотом неумолкающих пушек и мушкетов, наступающих московитов.

– Уводи людей к Зеленому мосту! – приказал гетман Кмитичу.

– Быстро уходим! – кричал своим кавалеристам Кмитич, понимая, что на узких улицах города его гусарам не развернуться. В таких условиях все козыри были в руках казаков, которые непрерывным потоком, точно горох из мешка, сыпались с диким гиканьем из всех переулков и улиц с пиками и

саблями наперевес. Те жители Вильны, что вышли на улицы, чтобы помочь армии, теперь в ужасе разбежались кто куда. Те же, кто остался за стенами своих домов у запертых окон, со страхом прислушивались к шуму разворачивающейся драмы.

Гарнизон Казимира Жаромского быстро отошел к замку. Здесь забаррикадировались и поливали из штурмаков и тюфяков-картечиц почти полторы сотни храбрецов, половину из которых составляли люди виленских татарских шляхтичей Нурковича и Карачевича, в мирное время вечно ссорящихся друг с другом. Православный татарский шляхтич Фурс-Белицкий с десятью своими верными солдатами также примкнул к ним, заняв первый этаж. Со второго этажа вели огонь сам Жаромский и виленский молодой шляхтич Ян Высоцкий вместе с местным поэтом, также молодым парнем Казимиром Даниловичем и его солдатами. Гарнизон мужественно оборонялся, пушки и мушкеты не смолкали. Солдаты стреляли из окон, из пробитых в стенах бойниц, прятались за карнизами, вели огонь из лазков голубятен... Но ожесточенное сопротивление лишь добавляло ярости атакующим казакам Золотаренко. Вновь и вновь, не обращая внимания на свистящие пули, разрывы ядер и смертельный огонь картечи, теряя убитых и раненых, казаки подбегали вплотную к стенам, бросали в окна гранаты и горящие факелы. Грохотали взрывы внутри здания, отгрызались тюфяки защитников, разрывались залпы их мушкетов и пушек... Снопами за смертью падали казаки под смертельным ураганом свинца. Ничего не могли поделать царские войска с упорным Виленским замком, стоящим упрямой скалой в бушующем море огня и дыма, затопившем литвинскую столицу.

Вильна, славный духовный центр балтийской Европы, со всеми ее церквями, костелами, мечетью и синагогами, колокольнями и башнями, медленно превращалась в ад. В квартале кузнецов, там, где еще вчера жизнеутверждающе стучали молотки, теперь раздавались выстрелы мушкетов и пистолетов, а вместо отблесков раздуваемых мехами огней вспыхивали разрывы гранат и ядер. Посередине улицы по сточной